

# Международное гуманитарное право

## ВОЗБУЖДЕНИЕ НАЦИОНАЛЬНОЙ ВРАЖДЫ В КОНТЕКСТЕ МЕЖДУНАРОДНОГО ПРАВА, ЗАРУБЕЖНОЙ И РОССИЙСКОЙ СУДЕБНОЙ ПРАКТИКИ

Ю.А. Решетов \*

I. Современное международное гуманитарное право превращает все формы расовой дискриминации, одной из которых является возбуждение национальной или расовой вражды. Это запрещение носит, по существу, абсолютный характер. В практическом плане в связи с этим возникает целый ряд трудностей, поскольку его последовательное осуществление может и должно вести к некоторым ограничениям свободы выражения убеждений или свободы ассоциаций. Имеются в виду случаи, когда свобода выражения убеждений или свобода ассоциаций используются для подстрекательства к расовой дискриминации и национальной вражде.

Не вдаваясь в дискуссию о правовом характере положений документов общеевропейского процесса по вопросам о правах человека, которые, с нашей точки зрения, являются обязательными, в том числе и с юридической точки зрения, и соответствуют нормам общего международного права, сошлемся на Документ Копенгагенского совещания Конференции по человеческому измерению СБСЕ. В нем государства – участники СБСЕ заявили, что они "четко и безоговорочно осуждают тоталитаризм, расовую и этническую ненависть, антисемитизм, ксенофобию и дискриминацию против кого бы то ни было, а также преследования по религиозным и идеологическим мотивам"<sup>1</sup>.

Общепризнанно, что одной из основных норм, регулирующих вопросы осуществления прав человека, является обязанность государств обеспечить эффективные средства внутренней защиты в случае их нарушений. По эффективности этих средств можно де-

---

\* Чрезвычайный и Полномочный Посол Российской Федерации в Республике Исландия, доктор юридических наук.

лать вывод о подлинном или мнимом демократизме той или иной страны.

В Копенгагене государства – участники СБСЕ заявили также о том, что "будут принимать эффективные меры, включая, в соответствии с их конституционными обязательствами, принятие таких законов, которые могут быть необходимы для обеспечения защиты от любых актов, которые представляют собой подстрекательство к насилию против лиц или групп, основанное на национальной, расовой, этнической или религиозной дискриминации, враждебности или ненависти, включая антисемитизм", и "будут признавать право каждого лица на эффективные средства правовой защиты и будут стремиться признавать, в соответствии с национальным законодательством, право заинтересованных лиц и групп выступать с жалобами и поддерживать жалобы по поводу актов дискриминации, включая акты расизма и ксенофобии"<sup>2</sup>.

II. Как показал вековой опыт развития демократических государств, традиционным и едва ли не самым надежным средством в системе средств защиты в случае нарушений прав человека зарекомендовал себя суд.

Представляемые многими государствами доклады в Комитет по ликвидации расовой дискриминации о выполнении принятых ими на себя обязательств по выполнению Международной конвенции о ликвидации всех форм расовой дискриминации свидетельствуют о довольно широкой, и прежде всего судебной, практике по охране расового равноправия и позволяют составить представление о принципах такой охраны.

Так, в *Нидерландах* вопрос о том, является ли осуществление основного права человека нарушением другого основного права, входит в компетенцию судов. В случаях расовой дискриминации суды принимают решения в соответствии с уголовным или гражданским правом<sup>3</sup>. При этом критерием подсудности расистских высказываний или материалов является их публичный характер. Направление писем или печатных материалов подобного характера по адресам отдельных лиц не может рассматриваться в качестве публичного выражения взглядов<sup>4</sup>. Например, в 1986 году в Департаменте государственного прокурора для производства судебного расследования было зарегистрировано 66 подобных дел<sup>5</sup>.

Видимо, типичным и показательным для понимания позиции нидерландского законодательства и судов является дело о публичном утверждении того, что евреи сами вызвали на себя преследование в результате распятия Христа, которое суд квалифицировал в качестве оскорбительного, вредного и клеветнического<sup>6</sup>.

Применительно к рассматриваемому вопросу Уголовный кодекс *Швеции* (разд. 8 гл. 16) гласит: "Если лицо публично или иным образом, в заявлении либо в другом сообщении, которое распространяется среди населения, угрожает этнической группе или любой другой аналогичной группе лиц и выражает пренебрежение путем уничижительного упоминания о расе, цвете кожи, национальном или этническом происхождении и вероисповедании, оно приговаривается к тюремному заключению за агитацию против этнической группы максимум на два года либо к штрафу, если правонарушение является мелким"<sup>7</sup>.

В соответствии с положениями Закона о свободе печати, ответственность за такие заявления возникает в случае их распространения в виде печатных изданий.

В *Дании* действуют Закон от 9 июня 1971 г., запрещающий дискриминацию по расовому признаку, и статья 266 б) Уголовного кодекса<sup>8</sup>. По двум делам, касающимся нарушения этой статьи, обвиняемые признали, что ими были сделаны оскорбительные и уничижительные замечания в отношении группы лиц по причине их национального и этнического происхождения. В обоих случаях на них наложили наказание в виде штрафов или десятидневного тюремного заключения общего режима<sup>9</sup>.

В докладе *Франции* сообщалось о довольно значительном числе судебных решений (34), связанных с подстрекательством к расовой вражде, и о правовых принципах, регулирующих судебную практику в этом отношении. К числу таких принципов относятся:

а) факт распространения через печать материала расистского характера представляет собой правонарушение — подстрекательство к расовой вражде;

б) если даже материал написан в юмористической форме, но, тем не менее, представляет собой критические замечания в отношении французского законодательства, равно как и в отношении поведения определенных этнических групп, что затрагивает их честь и достоинство, он представляет собой акт подстрекательства к расовой вражде;

с) публикация материала расистского характера разрешается, если при этом такой материал сопровождается изложением позиции, изобличающей содержащиеся в нем оскорбительные высказывания и суждения расистского характера<sup>10</sup>.

Мерой наказания за подстрекательство к расовой вражде являются штраф и публикация соответствующего судебного решения<sup>11</sup>.

Интересна судебная практика *ФРГ*. Так, в 1984 году к лишению свободы был дважды приговорен человек, признанный виновным в

подстрекательстве населения (ст. 130 Уголовного кодекса) посредством антисемитской агитации и пропаганды, направленной против иностранцев, а также в распространении пропагандистских материалов и использовании символов антиконституционных организаций.

Подсудимый, поддерживающий национал-социалистскую идеологию, неоднократно распространял национал-социалистские символы (свастику), вывешивал лозунги (такие, как "не покупайте у евреев", "иностранцы, убирайтесь вон", сопровождавшиеся изображением свастики) и распространял пропагандистские издания в целях содействия деятельности национал-социалистских организаций.

В отличие от суда первой инстанции, который приостановил исполнение приговора с целью условно-досрочного освобождения осужденного, федеральный суд основывал свое решение на том факте, что защита правовой системы требует исполнения приговоров. Правонарушения, совершавшиеся подсудимым на протяжении ряда месяцев, свидетельствовали о значительной степени противоправности и зломном несоблюдении им закона. По мнению федерального суда, утверждение о том, что эти действия не нашли "большой поддержки" и "не привлекли особого внимания", не имеет отношения к делу. Достаточно уже и того, что вышеназванные действия могли привести к серьезным общественным беспорядкам. Приостановка исполнения приговоров к лишению свободы сроком по одному году каждый, вынесенных за совершение серьезного правонарушения, с учетом впечатления об усиливающихся праворадикальных настроениях в Федеративной Республике Германии, созданного многократностью подобных действий, могла бы привести к неправильному толкованию и подорвать доверие общества к эффективности правовой системы и судов. И, наконец, федеральный суд пришел к заключению, что если бы исполнение приговора, вынесенного по данному делу, было приостановлено, то у населения могло бы сложиться мнение, что суды проявляют снисходительность по отношению к праворадикальным элементам<sup>12</sup>.

В том же году к десяти месяцам лишения свободы был приговорен человек за совершение различных правонарушений, включая клевету, связанную с оскорблением памяти умерших лиц, подстрекательство населения, принуждение к использованию символов бывших национал-социалистских организаций. Он, в частности, подготавливал публикации, в которых отрицалось истребление евреев ("ложь о массовом уничтожении людей"; "газовых камер не было"; "каждое слово Симона Визенталя — это ложь"). Суд пришел к заключению, что отрицание той трагической участи, которая выпала на долю евреев, равносильно продолжению дискриминации. В качест-

ве отягчающего обстоятельства суд учел особое упорство и настойчивость, проявленные подсудимым в совершении данных правонарушений.

При определении приговора сыграло свою роль и стремление противодействовать преступным действиям праворадикальных группировок<sup>13</sup>.

В *Великобритании* вопросы, касающиеся разжигания расовой ненависти, регулируются частью III Закона 1986 года об охране общественного порядка, вступившего в силу 1 апреля 1987 г. Лица, совершающие действия, которые содержат угрозу, злоупотребление или оскорбление, демонстрирующие, публикующие или распространяющие такие материалы, являются виновными в правонарушении не только в тех случаях, когда речь идет о возможности разжигания расовой ненависти (уже совершенное правонарушение), но и когда данное лицо намерено разжигать расовую ненависть. Кроме того, часть III закона распространяется и на вещание (за исключением Би-би-си и Ай-би-эй, которые являются ответственными государственными организациями, придерживающимися в своей деятельности строгих обязательств относительно норм подготовки передач), кабельные и иные средства информации, которые производят запись изображения или звука. Было также определено новое правонарушение, заключающееся в обладании материалами, способствующими разжиганию расовой ненависти. Любое лицо, обладающее письменными материалами, заключающими в себе угрозу, злоупотребление или оскорбление, в целях их распространения или публикации с намерением разжигания расовой ненависти посредством опубликования или в тех случаях, когда такое опубликование может повлечь за собой разжигание ненависти, является виновным в совершении правонарушения. Полиция была облечена новыми полномочиями, предусматривающими обыски и аресты при обнаружении материалов, подстрекающих к разжиганию расовой ненависти, а суды могут выносить решения об их конфискации<sup>14</sup>.

Что же касается организаций, подстрекающих к расовой дискриминации, то по закону 1936 года об охране общественного порядка считается противоправным ношение в общественном месте формы политических организаций или создание и обучение полувоенных формирований. Кроме того, все последовательно сменявшие друг друга правительства Соединенного Королевства придерживались мнения, что при условии соблюдения законов люди должны иметь право создавать политические организации и что в этом праве следует отказывать только в исключительных случаях. Поэтому юридический запрет распространяется лишь на те организации, которые явно привержены терроризму или которые стремятся к насильственному

ниспровержению государственного строя (практически это организации, связанные с Северной Ирландией). Не считается правонарушением обращение за финансовой помощью для любых организаций, за исключением организаций, запрещенных законом. Однако расширение положений о разжигании расовой ненависти укрепляет закон, препятствуя деятельности любой организации, которая распространяет оскорбительные и подстрекательские взгляды по расовым вопросам<sup>15</sup>.

Совершенно другой подход к возбуждению ненависти характерен для американской юриспруденции, базирующейся при этом на Конституции США<sup>16</sup>. Он сводится к тому, что, как это было установлено в деле Бранденбург против Огайо (1969 г.), расистские высказывания могут быть осуждены или запрещены только в случае, если они направлены на возбуждение или на то, чтобы вызвать немедленные незаконные действия или смогут возбудить и вызвать подобные действия<sup>17</sup>.

Руководствуясь американским конституционным правом, и в первую очередь Первой поправкой к Конституции, американские суды "анализировали степень близости между словами и последствиями, намерение автора, высказывания и точный смысл слов"<sup>18</sup>.

И причина такого, как кажется, излишне терпимого подхода к расистским высказываниям не в том, что конституционная система США "рассматривает пропаганду ненависти желательной, но скорее в том, что, несмотря на осуждение "пропаганды ненависти", она придает большее значение свободе выражения"<sup>19</sup>.

В вышеприведенном деле, которое рассматривается в американской юриспруденции в качестве исторического, было подтверждено право Ку-клукс-клана публично призывать к депортации из США черных и евреев (в Африку и Израиль), если только эти призывы не направлены к немедленным насильственным действиям<sup>20</sup>.

Американский юрист Ф. Абрамс считает, что такой подход имеет несколько причин. Законодательство, регулирующее свободу слова, не может учитывать содержание высказываний. Он приводит при этом слова профессора Прайба: "Если Конституция побуждает правительство разрешать людям организовывать шествия, выступать и писать в защиту мира, братства и справедливости, то она должна также требовать от правительства разрешить им выступать в поддержку ненависти, расизма и геноцида"<sup>21</sup>.

Утверждается также, со ссылкой на ряд стран (Великобританию, США, Францию), что ограничение свободы слова чаще всего имеет не положительные, а негативные последствия для охраняемого меньшинства<sup>22</sup>. Не скрывают американцы и того факта, что такое либеральное отношение к пропаганде ненависти в США объясняется тем,

что у них не было трагического (европейского) опыта<sup>23</sup>. И, наконец, высказывается мысль, что даже самые крайние высказывания содержат какую-то полезную информацию и что поэтому всегда лучше разрешить какие-то высказывания, чем запретить их<sup>24</sup>.

III. Что же касается наших традиционных подходов к национальной проблематике, то до недавнего времени для них были характерны политико-идеологизированный характер, фактическое забвение или умаление роли судебных средств охраны национального достоинства. Так, Н.В. Витрук в разделе своей монографии, посвященном равноправию рас и национальностей в бывшем СССР, отталкиваясь от конституционных положений, дает краткую характеристику положения народов в царской России для того, чтобы затем описать то, что было принято выдавать за достижение фактического равенства всех наций и народностей в СССР (развитие бывших колоний, преподавание на местных языках и т.д.)<sup>25</sup>.

Такой же подход присущ и коллективной монографии "Международные пакты о правах человека и советское законодательство" (раздел "Равноправие народов и наций")<sup>26</sup>.

В последние годы, в условиях нашей открытости и гласности, на смену воспеванию решения национального вопроса в СССР пришло реалистическое освещение межнациональных отношений в нашей стране. К сожалению, их обострение приобрело невиданно напряженный, трагический характер, когда во многих случаях используется силовое давление, насилие со стороны тех или иных национальных групп, направленные против других национальных групп. В ответ на это со стороны правоохранительных органов имеет место также обращение к силе. Эти явления сопровождаются, как правило, массовыми и неприкрытыми призывами к национальной ненависти и нетерпимости. Отсюда – появление миллионов внутренних беженцев, выезд за рубеж сотен тысяч советских граждан. Правда, в отношении последнего явления данная причина вряд ли является единственной или даже доминирующей. Однако, видимо, для многих, кто принял решение эмигрировать, она, безусловно, играла какую-то роль наряду с другими мотивами.

В этих условиях поистине взрыва межнациональных отношений, конечно, вряд ли было бы реалистичным рассчитывать только на судебные меры пресечения розни между народами. Необходимо – и оно уже ведется – преобразование всей базы этих отношений на основе демократии и современных рыночных отношений, что в перспективе приведет к восстановлению согласия между национальностями. И все же неиспользование судебных мер в современных условиях является прежде всего инерцией прежних подходов, характерных для неправового государства. Эти подходы изживаются с боль-

шим трудом, причем очень часто в виде вербальных заверений в верности юридическим нормам. Характерен в этом отношении десятый периодический доклад бывшего СССР Комитету по ликвидации расовой дискриминации о принятии в Союзе за 1988–1990 годы законодательных, судебных, административных и других мер, с помощью которых проводятся в жизнь положения Международной конвенции о ликвидации всех форм расовой дискриминации.

В разделе доклада о выполнении положений статьи 4 конвенции, посвященных как раз юридическим, в частности судебным, мерам борьбы с расовой дискриминацией, говорилось: "В соответствии со ст. 36 Конституции СССР, запрещающей всякую проповедь расовой или национальной исключительности, вражды или пренебрежения, в советском законодательстве последовательно проводится линия пресечения создания и деятельности организаций, занимающихся расистской деятельностью и возбуждением национальной вражды и розни".

2 апреля 1990 г. был принят Закон СССР "Об усилении ответственности за посягательства на национальное равноправие граждан и насильственное нарушение единства территории Союза ССР". В статье 1 Закона отмечается: "Деятельность любых объединений граждан, в том числе политических партий, общественных организаций и массовых движений, направленная на возбуждение национальной или расовой вражды, розни или пренебрежения, применение насилия на национальной, расовой, религиозной основе, а также их деятельность, непосредственно направленная на насильственное нарушение закрепленного Конституцией СССР единства территории Союза ССР, союзных и автономных республик, автономных областей и округов, является противозаконной и подлежит запрету".

Закон полностью соответствует международным обязательствам страны, а именно: запретить любую деятельность, направленную на разжигание национальной ненависти, дискриминации, вражды и насилия. Организации, преследующие такие цели, объявляются вне закона, подлежат роспуску, а их имущество переходит к государству. Предусматривается ответственность в виде крупного штрафа за действия по созданию подобных организаций и активное участие в тех из них, деятельность которых запрещена. Усилена уголовная ответственность за публичные призывы к насильственному свержению советского государственного и общественного строя или к насильственному нарушению единства Союза ССР<sup>27</sup>.

Характерно, что здесь совершенно не нашел отражения тот факт, что именно в этот период были изменены формулировки статьи 74 Уголовного кодекса РСФСР "Нарушение национального и расового равноправия". Однако эти изменения заслуживают анализа.



Ранее формулировка статьи 74 содержала два состава. Первый из них – "пропаганда или агитация с целью возбуждения расовой или национальной вражды или розни". Теперь же к преступным были отнесены "умышленные действия, направленные на возбуждение национальной или расовой вражды и розни, на унижение национальной чести и достоинства". Первое из этих изменений вряд ли является желательным с точки зрения защиты национального и расового равноправия, поскольку при рассмотрении таких дел нужно будет доказывать и умышленный характер. Упоминание здесь такого характера и не нужно, поскольку в статье уже говорится о направленности таких действий.

Второе же дополнение существенно и оправданно, поскольку расширяет объективную сторону преступления, включая в нее действия, унижающие национальную честь и достоинство.

Второй состав, а именно прямое или косвенное ограничение прав или установление прямых или косвенных преимуществ граждан в зависимости от их расовой или национальной принадлежности, в нашей стране не применялся, несмотря на многие факты, свидетельствующие как раз о необходимости его применения, и остался без изменений. Санкция в этой части статьи установлена до трех лет лишения свободы.

Вторая часть этой статьи предусматривает, что те же действия, соединенные с насилием, обманом или угрозами, а равно совершенные должностным лицом, наказываются лишением свободы на срок до пяти лет. Думается, что особенно важным здесь является установление более жесткой санкции для должностных лиц, поскольку возбуждение национальной вражды с их стороны, несомненно, носит особенно опасный характер.

Наконец, важным нововведением является третья часть нынешней редакции статьи 74, устанавливающая, что действия, предусмотренные частями первой или второй, совершенные группой лиц либо повлекшие гибель людей или иные тяжкие последствия, наказываются лишением свободы на срок до десяти лет. Здесь важным является распространение повышенной санкции на действия группы лиц, как отягчающее ответственность обстоятельство. Обращает на себя внимание и серьезный характер санкции.

Этот анализ является, однако, сугубо теоретическим, поскольку эта статья как в ее старой, так и в новой редакции практически не применялась, несмотря на, как мы уже отмечали, широкий размах проявлений в стране подстрекательств к национальной вражде.

Здесь, однако, надо сказать, что какой-либо статистики у нас по этому вопросу не ведется. Поэтому сошлемся на имеющийся у нас пример, касающийся лиц только одной национальности.

Опрос, проведенный летом 1990 года Антидифформационной лигой среди 500 советских эмигрантов в Израиле, показал, что за предшествовавшие два года 467 из них были вовлечены в акциденты антисемитского характера; 15 процентов сообщили о выпадах против детей, в то время как в 15 процентах других случаев имели место настенные надписи и ущерб имуществу; 5 процентов опрошенных указали на прямые физические посягательства<sup>28</sup>.

Несомненно, что возбуждение национальной вражды – помимо антисемитизма как формы расовой дискриминации – имеет в нашей стране широкий размах в отношении лиц и других национальностей. И хотя меры борьбы с такими проявлениями должны носить самый строгий характер и быть самыми разнообразными, несомненно, как мы уже отмечали выше, что важное место среди них должны занять судебные.

В этой связи особого внимания заслуживает единственный известный нам случай применения статьи 74 УК РСФСР. Так, 18 января 1990 г. Осташвили Константин Владимирович, 1936 года рождения, образование – среднее, русский, оператор одного из московских НИИ, явился на мероприятие "Открытый микрофон" писательской организации "Апрель" в Центральном доме литераторов в Москве и, используя мегафон, совершал оскорбления, затрагивающие национальную честь и достоинство евреев, сопровождаемые угрозами и призывами к совершению над ними насилия (в частности: "вы, ублюдки", "вы, отколовшиеся от русских писателей жидомасоны", "мы в своей стране, а вы, пришельцы, покиньте зал", "товарищи евреи, покиньте зал", "теперь мы будем хозяевами страны, коренные жители, а вы, пришельцы, убирайтесь в Израиль", "прошу закрыть двери, сейчас будем всех арестовывать", "им место в Израиле, всем этим подонкам" и другие, подобного же характера). В зале произошли стычки, в ходе которых раздавались взаимные угрозы, оскорбления, применялось насилие, в том числе были нанесены телесные повреждения<sup>29</sup>. Разносились фразы о еврейских погромах<sup>30</sup>, было предпогромное состояние<sup>31</sup>, стали угрожать насилием 5 мая<sup>32</sup>.

Осташвили свою вину не признал. Его мотивировка сводилась к следующему:

- Свое поведение он объяснял тем, что был возмущен, спровоцирован отменой вечера в связи с возникшей обстановкой, и отрицал наличие у него умысла возбудить национальную вражду или унижить национальную честь и достоинство.

- Хотя вместе с ним были его единомышленники, о каких-либо совместных действиях они не договаривались.

- Он признал содержание им сказанного, однако утверждал, что угрозы в содержании и смысле им сказанного не содержалось<sup>33</sup>.

Тезис об отсутствии у Осташвили умысла был основным и в аргументации адвоката Н. Сапегинной: "Есть главное, что должно доказать следствие по этому делу, — это умысел". При этом, по ее мнению, речь может идти только о прямом умысле, когда человек осознает свои действия и желает наступления определенных последствий, то есть заранее обдуманном умысле<sup>34</sup>. "Доказательств того, что умысел у Осташвили был направлен на это, то есть на разжигание розни и унижение национального достоинства, нет"<sup>35</sup>.

В этой связи она также утверждала, что нет доказательств того, что Осташвили действовал в составе организованной группы<sup>36</sup>.

В то же время, останавливаясь на деятельности организации "Память", адвокат высказалась за принятие в СССР закона, запрещающего подобные организации. Но, по ее словам, поскольку на тот момент такого закона не было, она не может быть запрещена<sup>37</sup>.

Поведение Осташвили, утверждала адвокат, вряд ли можно называть действиями в духе статьи 74, а скорее изложением определенных взглядов<sup>38</sup>. Она также отрицала, что действия Осташвили были сопряжены с насилием или угрозами<sup>39</sup>.

В своей обвинительной речи общественный обвинитель А. Макаров уделил большое внимание вопросу об умысле, попытке К. Осташвили использовать его для оправдания своих действий.

По определению А. Макарова, действия, направленные на разжигание национальной розни, — "это пропагандирование или высказывание каким-то иным путем системы взглядов, создающих образ врага в какой-то конкретной нации или народе, обвинение этой нации или народа в каких-то бедах, которые произошли у других народов, призыв к тому, чтобы проблемы, возникающие у народов, решать за счет дискриминации тех, на кого направлены эти оскорбления"<sup>40</sup>.

Что же касается заявлений К. Осташвили о том, что он имел в виду не всех евреев, а только сионистов, то, по словам А. Макарова, "сионисты в данном случае существуют в роли виньетки, аранжировки к тем чисто антисемитским взглядам, к тем антисемитским лозунгам, которые были брошены в ЦДЛ. На что были направлены эти действия? Да, эти действия были направлены на унижение и оскорбление евреев. Но они были направлены и на разжигание национальной розни. Закон не требует, чтобы это было направлено на разжигание национальной розни у всех граждан страны или у всех граждан мира, вполне достаточно, если при этом будут присутствовать один, два, три человека"<sup>41</sup>.

Касаясь далее попытки Осташвили сыграть на том, что ему не удалось разжечь национальную рознь, общественный обвинитель говорил: "Но весь смысл в том, что закон не требует наступления по-

следствий. Правовая конструкция данной статьи такова, что наступления последствий, возникновения чувства национальной розни или вражды, вовсе не требуется. Закон говорит лишь о том, что подобные действия совершаются. А каковы будут последствия этих действий – закон вовсе не говорит. Они могут быть любые. Это могут быть убийства, которые будут караться ответственностью за убийство, это может быть нанесение тяжких телесных повреждений или изнасилование, что, кстати, тоже свойственно подобным группам лиц. Но тогда эти действия будут влечь за собой ответственность по конкретным статьям Уголовного кодекса”<sup>42</sup>.

Наконец, по мнению А. Макарова, действия Осташвили были, бесспорно, сопряжены и с угрозами, и с насилием<sup>43</sup>.

Прокурор А. Колесникова заявила, что в ЦДЛ был ”устроен антиеврейский шабаш”<sup>44</sup>, в ходе которого Осташвили, ”считая, что большинство членов ”Апреля” составляют лица еврейской национальности, в целях возбуждения национальной вражды и унижения достоинства евреев, используя мегафон, стал выкрикивать оскорбления, затрагивающие национальную честь и достоинство, сопровождаемые угрозами и призывами к свершению над ними насилия”<sup>45</sup>.

Проанализировав свидетельские показания, судебная коллегия отвергла утверждения Осташвили об отсутствии у него умысла. По ее мнению, о наличии умысла у подсудимого на возбуждение национальной вражды, на унижение национальной чести и достоинства лиц еврейской национальности свидетельствуют характер его действий, а также форма, содержание и смысл им сказанного на вечере в ЦДЛ через мегафон. При этом его речь не являлась диалогом, полемикой, а была направлена на унижение национальной чести и достоинства граждан еврейской национальности, на разжигание, столкновение одной национальности с другой, в частности русских с евреями, обвиняя одну национальность, тем самым раздражая, возбуждая присутствующих, желая тем самым вызвать неприязнь, несогласие, привести в состояние враждебности<sup>46</sup>.

Суд не нашел, что действия подсудимого непосредственно были соединены с насилием, но констатировал, что его утверждения о том, что угрозы им не высказывались, противоречат фактическим обстоятельствам, установлены в судебном заседании и совокупностью доказательств, собранных по делу<sup>47</sup>. Указанные умышленные действия были соединены с угрозами насилия, что явствовало из показаний свидетелей. Из них следует, что высказанные Осташвили в их адрес угрозы применения насилия они воспринимали с учетом сложившейся обстановки, реально<sup>48</sup>.

При назначении наказания судебная коллегия, учитывая тяжесть совершенного преступления, отличающегося повышенной

степень общественной опасности, конкретные обстоятельства дела, другие обстоятельства, приговорила признать виновным Осташвили по части 2 статьи 74 УК РСФСР и назначить наказание в виде лишения свободы сроком на два года с отбыванием в исправительно-трудовой колонии усиленного режима<sup>49</sup>.

Значение этого процесса состоит прежде всего в том, что, как говорил А. Макаров, "он стал первым в нашей стране процессом, когда человека судят, посадили на скамью подсудимых за антисемитизм, за пропаганду национальной розни, за попытку возбудить вражду к представителям конкретной нации или конкретного народа"<sup>50</sup>.

Можно согласиться с критикой по поводу этого процесса. Действительно, в этих антисемитских действиях участвовала группа людей, в то время как осужден был только Осташвили. Сам процесс начался только после значительного нажима общественного мнения<sup>51</sup>.

И, тем не менее, этим процессом начался нелегкий путь использования в нашей стране судебного механизма для борьбы с возбуждением национальной вражды.

---

<sup>1</sup> Документ Копенгагенского совещания Конференции по человеческому измерению СБСЕ (5-29 июня 1990 г.).

<sup>2</sup> Там же. - С. 34-35.

<sup>3</sup> Doc. CERD/C/158/Add.9. - Para 19.

<sup>4</sup> Ibid. - Para 94.

<sup>5</sup> Ibid. - Para 95.

<sup>6</sup> Ibid. - Para 96.

<sup>7</sup> Doc. CERD/C/158/Add.7. - Para 85.

<sup>8</sup> Doc. CERD/C/158/Add.8. - Para 32.

<sup>9</sup> Ibid. - Para 33.

<sup>10</sup> Doc. CERD/C/148/Add.3. - Para 18.

<sup>11</sup> Ibid. - Para 20.

<sup>12</sup> Doc. CERD/C/149/Add.21. - Приложение 1.

<sup>13</sup> Там же. - Приложение 2.

<sup>14</sup> CERD/C/172/Add.11. - Para 3.

<sup>15</sup> Ibid. - Para 36.

<sup>16</sup> Redlich. N. Group libel: The American Constitution and the Community of Nations // Colloquium on Racial and Religions Hatred. Tel Aviv University. - 1991. - Dec. 29-31. - P. 4.

<sup>17</sup> Ibid. - P. 5.

<sup>18</sup> Ibid. - P. 6.

<sup>19</sup> Ibid. - P. 9.

<sup>20</sup> Abrams F. Hate Speech: An american view // Tel Aviv Colloquium. - P. 3-4.

<sup>21</sup> Ibid. - P. 5-6.

<sup>22</sup> Ibid. - P. 8.

<sup>23</sup> Ibid. - P. 9-10.

- <sup>24</sup> Ibid. — P. 10–11.
- <sup>25</sup> Витрук Н.В. Правовой статус личности в СССР. — М., 1985. — С. 30–31.
- <sup>26</sup> Международные пакты о правах человека и советское законодательство. — М., 1986. — С.12–13.
- <sup>27</sup> CERD/C/197/Add.1. — Para 12–13.
- <sup>28</sup> The National Council for Soviet Jewry of United Kingdom. Statement to the meeting of the Conference on the Human Dimension of the CSCE Moscow (10 September — 4 October 1992). — Para 3, 78.
- <sup>29</sup> Материалы дела. Приговор от 12 октября 1990 г. — Лл. 3058–3059.
- <sup>30</sup> Там же. — Л. 3060.
- <sup>31</sup> Там же. — Л. 3062.
- <sup>32</sup> Там же. — Л. 3063.
- <sup>33</sup> Там же. — Л. 3059.
- <sup>34</sup> Материалы дела. Выступление адвоката Н. Сапегинной. — Л. 2981.
- <sup>35</sup> Там же. — Л. 2991.
- <sup>36</sup> Там же. — Л. 2982.
- <sup>37</sup> Там же. — Л. 2997.
- <sup>38</sup> Там же. — Лл. 2980–2981.
- <sup>39</sup> Там же. — Л. 2993.
- <sup>40</sup> Материалы дела. Обвинительная речь общественного обвинителя А. Макарова. — Лл. 2883–2884.
- <sup>41</sup> Там же. — Л. 2884.
- <sup>42</sup> Там же. — Л. 2885.
- <sup>43</sup> Там же. — Лл. 2885–2886.
- <sup>44</sup> Материалы дела. Обвинительная речь прокурора А. Колесниковой. — Л. 2995.
- <sup>45</sup> Там же. — Лл. 2955–2958.
- <sup>46</sup> Там же. — Лл. 3071–3072.
- <sup>47</sup> Там же. — Л. 3073.
- <sup>48</sup> Там же. — Л. 3074.
- <sup>49</sup> Там же. — Л. 3075.
- <sup>50</sup> Там же. — Л. 2879.
- <sup>51</sup> The National Council for Soviet Jewry... — Para 3.10 (ii).